

Научная статья

УДК 398.224(=512.19)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-2-51-59

О ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЕ НОГАЙЛИНСКОГО ЭПОСА

Т. А. Кобыратбай

Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмета Ясави,

Туркестан, Казахстан

e-mail: tynysbek55@mail.ru

Аннотация. С давних времён в казахском фольклоре функционирует эпическая традиция, в рамках которой формируются и развиваются эпические сказания. Помимо классических образцов героического и романтического эпоса существует более поздний пласт, состоящий из сказаний периода ногайлы. Актуальность представленного материала определяется освещением некоторых вопросов изучения этого цикла эпических сказаний.

Новизна исследования определяется комплексным рассмотрением жанровых особенностей этих сказаний, тем, что у ногайцев они сохранились в виде отдельного эпоса, а у казахов в виде целого комплекса – цикла генеалогических сказаний. Казахские ученые начали изучать эпос периода ногайлы еще в 40-х годах прошлого века. В исполнении казахского сказителя Мурына Сенгирбекулы записаны три генеалогических цикла, содержащих около тридцати эпических сказаний. Тем не менее отдельные исследователи публиковали свои научные изыскания по эпосу ногайлы. Основная цель статьи – подчеркнуть познавательный характер и степень познания эпоса ногайлы. Надо сказать, что тексты ногайлинского эпоса в полном объеме стали публиковаться лишь после распада СССР. В период независимости на эту тему было написано несколько работ, но познавательный характер ногайлинского эпоса не входил в задачи изучения. Они ценны тем, что содержат многочисленные сведения ономастического порядка, проливающие свет на прошлую историю ногайцев и казахов.

Некоторые положения этой статьи были сформированы в условиях историко-этнического и этнографического метода изучения эпоса ногайлы. Использовался сравнительный метод, позволивший выделить основные этнические наименования в эпосе. В заключении подытожены выводы о том, что генеалогические образцы ногайлинского эпоса прошли процесс циклизации. Несмотря на обилие исторических сведений, в отличие от классических образцов казахского героического эпоса, этнонимы в них представлены весьма скудно. Довольно часто встречаются антропонимы, мало известные казахской эпической традиции. Конечно, этим изучение ногайлинского эпоса не исчерпывается. Все ономастические названия эпоса, не до конца изученные академической наукой, нуждаются в дальнейшем углубленном изучении. Достаточно вспомнить наличие одного этнонима «индус», который представляет собой загадку для эпосоведов.

Ключевые слова: ногай, ногайлинский эпос, советское эпосоведение, цикл, циклизация, поэтика, историзм, ономастика, этнонимы, этнический характер.

Финансирование: Работа выполнена в рамках проекта AP19676609 «Академическое искусствоведение в процессе формирования нового гуманитарного знания».

Для цитирования: Кобыратбай Т. А. О познавательной природе ногайлинского эпоса. *Эпосоведение*. 2025;2(38):51–59. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-51-59>

Original article

About the cognitive nature of the nogailisky epic

Tynysbek A. Konyratbay

Yasavi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Republic of Kazakhstan

e-mail: tynysbek55@mail.ru

Abstract. Since ancient times, an epic tradition has been functioning in Kazakh folklore, within the framework of which epic legends are formed and developed. In addition to the classical examples of the heroic and romantic epic, there is a later layer consisting of legends of the Nogai period. The relevance of the material presented is determined by the coverage of some issues in the study of this cycle of epic legends. The novelty of the study is determined by a comprehensive consideration of the genre features of these legends, by the fact that among the Nogais they were preserved in the form of a separate epic, and among the Kazakhs in the form of a whole complex – a cycle of genealogical legends. Kazakh scholars began to study the epic of the Nogai period back in the 1940s. In the performance of the Kazakh storyteller Muryn Sengirbekuly, three genealogical cycles are recorded, containing about thirty epic tales. Unfortunately, in the Soviet period, the study of these samples of the epic was difficult. Nevertheless, individual researchers published their research on the Nogai epic. The main purpose of the article is to emphasize the cognitive nature and degree of knowledge of the Nogai epic. the study of the Nogai epic. I must say that the texts of the Nogai epic began to be published in full only after the collapse of the USSR. During the period of independence, several works were written on this topic, but the cognitive nature of the Nogai epic was not part of the task of study. They are valuable in that they contain numerous information of the onomastic order, shedding light on the past history of the Nogais and Kazakhs. The main provisions of this article were formed in the conditions of the historical, ethnic and ethnographic method of studying the Nogai epic. A comparative method was used, which made it possible to distinguish the main ethnic names in the epic. The conclusion summarizes the conclusions that the genealogical samples of the Nogai epic went through a cyclization process. Despite the abundance of historical information, in contrast to the classical examples of the Kazakh heroic epic, ethnonyms are very sparsely represented in them. Quite often there are anthroponyms, little unknown to the Kazakh epic tradition. Of course, the study of the Nogai epic is not limited to this. All onomastic names of the epic, not fully studied by academic science, need further in-depth study. Suffice it to recall the presence of one ethnonym “Hindu,” which is a mystery to epic scholars.

Keywords: Nogai, Nogai epic, Soviet epic studies, cycle, cyclization, poetics, historicism, onomastics, ethnonyms, ethnic character

Funding: The work was carried out as part of the project AP19676609 “Academic Art History in the Process of Forming New Humanitarian Knowledge”.

For citation: Konyratbay, T. A. About the cognitive nature of the nogailisky epic. *Epic studies*. 2025;2(38):51–59. (in Russian) <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-51-59>

Введение

Примеров эпического наследия прошлого в казахском фольклоре очень много. В свое время ученые подсчитали, что их более трехсот. Среди них видное место занимает эпическое наследие ногайлинского периода, более известное жителям Золотой Орды и менее известное узбекам и тюркоязычным народам Алтайского края.

В одно время эти сказания рассматривались эпосоведами вне времени и пространства. Были работы описательного характера, которые ограничивались изложением содержания отдельных сказаний. Между тем они, пусть даже в косвенной форме, отражали такие известные события, как падение Золотой Орды, отделение ногайского народа и др.

В творчестве эпических сказителей периода Казахского ханства (XV–XVIII вв.) этноним «ногай» часто встречается в форме «ногайлы», («ногайлы жыры», «ногайлы елі»), который переводится как «ногайцы», «ногайский эпос», «ногайский народ». Между терминами «ногай» и «ногайлы» нет существенной разницы. Последний термин является аллоэтнонимом, исполь-

зуемым казахами по отношению к ногайской этнической группе. В связи с этим в научный обиход вошли такие термины, как «ногайлы», «ногайлинский», используемые как этноним. Эта статья посвящена малоизученной теме – эпическим сказаниям ногайлинского периода, дошедшим до нас под этногеографическим названием «Сорок крымских богатырей» («Қырымның кырық батыры»).

В советское время учёные связывали эти легенды с убийством Ормамбет-хана, поэтому происхождение этих сказаний было непонятно. События в образцах цикла ногайлы обычно не развиваются. Действия детей Естерека – Ер Таргына, Ер Шобана и Алшагыра также не отражены в исторических источниках. По данным эпоса Таргын расходится с ногайскими ханами, Ер Шобан правит ногайцами Приазовья, Алшагир воюет с кипчакскими племенами. В связи с этим возникает закономерный вопрос: к какому народу принадлежат эпические сказания периода ногайлы?

Образцы ногайлинского эпоса привлекли внимание многих известных учёных, таких как Ч. Ч. Валиханов [1], В. В. Бартольд [2], В. М. Жирмунский [3], А. Х. Маргулан [4], А. К. Конратбаев [5], Р. Б. Бердибаев [6] и др. За последние десятилетия появились новые работы А. М. Сикалиева [7] и В. В. Трепавлова [8] по истории и эпическому наследию ногайского народа.

Ч. Ч. Валиханов считал, что эпические сказания у казахов возникли в XVI в. и получили широкое распространение в эпоху Абылай-хана. Он полагал, что Тохтамыш является исторической фигурой. Однако мы видим, что образцы сказочного, племенного эпоса существовали задолго до ногайлинского периода истории. Также надо полагать, что древние верования возникли задолго до образцов ногайского эпоса.

Известно, что в эпоху Золотой Орды казахи и ногайцы находились в одном этническом союзе. Отголоски этой общины находят отражение в фольклорном и этнографическом образе жизни этих народов. Например, в казахском фольклоре существует целый пласт эпических сказаний, который характеризуется генеалогической направленностью содержания.

Еще в 40-е гг. прошлого столетия казахский фольклорист А. К. Конратбаев писал, что в ногайлинский эпос попали все 30 сыновей Мусы. Он подчеркнул, что такие батыры, как Едиге, Орак, Карасай, Кази, за исключением Ер Таргына, относятся к числу ногайских мурз [5].

Следует отметить, что ногайская составляющая присутствует в составе младших и средних жузов казахов, т. к. казахи и ногайцы находились в одном союзе, несложно наблюдать бытовое, культурное и языковое сходство.

Весь этот цикл, за исключением эпоса «Ер Таргын», А. К. Конратбаев считает ногайским эпосом. В этом есть своеобразная логика, т. к. эпоха Едиге и его потомков заметно отличается. Первый жил в эпоху распада Золотой Орды, был одним из последних ханов. А его дети – Орак, Карасай, Кази, когда произошло размежевание ногайско-кипчакских племён, были на стороне ногайцев и ушли на Кавказ, Казань и Крым. Они ассимилировались там.

Однако, судя по вышеупомянутым исследованиям А. М. Сикалиева и В. В. Трепавлова, в ногайском фольклоре есть только одно сказание под этим названием. Иными словами, в ногайском фольклоре «Сорок крымских багатырей» – не цикл, а небольшое сказание. В этом их главное отличие.

К сожалению, мы не можем достоверно сказать, известны ли эти образцы ногайлинского эпоса, сохранившиеся в казахском фольклоре, самим ногайцам? В ногайском эпосе фигурируют имена Едиге, Орак, Карасай, Кази и др. Некоторые учёные предложили отбросить эти имена и взяться за изучение других образцов ногайлинского эпоса.

Методы исследования

В фольклоре XX в. изучение эпического наследия народов СССР занимало доминирующее положение. Почти все научные споры возникали именно вокруг эпического наследия прошлого. На методологическом уровне доминировали постулаты исторической школы, которые затем подверглись резкой критике со стороны партийно-советских органов.

Дело в том, что научные концепции исторической школы, которыми пользовались фольклористы того времени, начали подвергаться резкой критике в конце 1940-х гг. Их стали сертифицировать как устаревшие в методологическом аспекте направления в фольклоре. Однако трудно сказать, что методологические установки исторической школы были изъяты из научного использования на научно обоснованной основе. В научных изысканиях доминировала политическая среда того времени. Во второй половине XX в. это привело к противостоянию двух научных направлений – историков и фольклористов. По материалам конференции, опубликованным спустя четверть века, мы видим, что спор закончился в пользу историков [9].

В данной статье сделана попытка осветить познавательную природу ногоайлинского цикла сказаний, которые дошли до нас в рамках казахской эпической традиции. В рамках исследования используются такие методы, как наблюдение, текстовое сравнение, историографическое обозрение, историко-этнологический подход к разрабатываемой проблеме.

Результаты и обсуждение

Несмотря на наличие научных изысканий, до сих пор не до конца изучено обилие ногоайской этнической составляющей в казахском фольклоре. С момента записи ногоайлинского цикла сказаний прошло около века, но изучением генезиса этих сказаний ученые начали заниматься довольно поздно. Тексты ногоайлинского цикла стали публиковаться в Казахстане только после распада СССР. За последние годы они публиковались в 100-томном издании казахского фольклора «Слова предков» [10], затем во 2-томе «Антологии степного фольклора» [11].

Сказания «Сорок крымских богатырей» состоят из трёх циклических групп, связанных генеалогическими узами. Первый цикл именуется как «Аншыбай батыр и его потомки». Состоит он из восьми сказаний (таблица №1):

Таблица 1

1. Аншыбай батыр	2. Куттыкия батыр	3. Нурадин батыр	4. Парпария батыр
5. Ер Едиге	6. Мусахан	7. Орак Мамай	8. Карасай Кази

Все они отличаются генеалогическим содержанием и исторической последовательностью. Сказание гласит, что Аншыбай – дальний предок Едигея. Несмотря на исторический характер в эпосе очень мало историко-героической информации. Сказание наполнено и мифическим содержанием: странствующий Аншыбай встречает девушек небесного пери, которые соглашались стать его жёнами.

Второе сказание из этого цикла именуется как «Парпария». Оно гласит, что Парпария – дед Едигея, защищавшего своё племя от нашествия калмыков. Герой следующего сюжета «Куттыкия батыр», за исключением некоторых образцов, представлен отцом Едигея.

Дело в том, что есть версии, где Куттыкия является отчимом Едигея. Сказание довольно короткое, общий объем составляет чуть более 200 строк. Возможно это неполная версия эпоса или все, что осталось от развернутого сказания. Эпос «Ер Едиге» известен многим народам – ногойцам, казахам, татарам, башкирам и др. В последние годы объектом специальных научных исследований стал эпос «Едиге батыр» [12].

Вторую группу составляет цикл, именуемый «Карадон батыр и его потомки» (таблица №2):

Таблица 2

1. Карадон батыр	2. Жубаныш батыр	3. Ер-Суюниш	4. Ер-Бегис	5. Когис, Тогис
6. Тама батыр	7. Тана батыр	8. Нарик батыр	9. Шора батыр	-

Карадон представлен предком всех главных героев, встречающихся в других сказаниях. Сюжет повествует о том, как Карадон в раннем детстве остаётся круглым сиротой: отец умер,

когда ему был год, а мать – когда ему было два года. В три года мальчик приехал к ногайцам, но мальчики его не приняли: избили и прогнали. Эпос начинается с плача маленького Карадона.

Некоторые исследователи считают Карадона исторической фигурой. Есть и генеалогическое начало, события развиваются от отца к сыну. Герой второго сказания о Жубаныш-батыре представлен как сын Карадон-батыра. Другой потомок – «Ер Суюниш», сын Жубаныша, сын Карадона. Все они – Карадон, Жубаныш и Суюниш – происходят из рода Тама, входящего в состав младшего жуза казахов и выступают защитниками своего племени от нашествия калмыков.

Следует отметить, что эти события мало известны академической исторической науке, которая не использует данные фольклора в качестве исторического источника. Можно только предположить, что они освещают события золотоордынского периода.

Герой эпоса «Ер Когис», который является сыном Суюниша, также защищает свое селение от вторжения внешних врагов. «Когис-Тогис» – небольшое сказание, основанное на героических поступках главных героев эпоса. Обращает на себя внимание название эпоса «Тама батыр», являющегося отдельной родовой ветвью в младшем жузе казахов.

Далее следует эпос «Тана батыр», несколько отличающийся от предыдущих образцов цикла ногайлы. Тана – отец Нарика, дед Шор батыра. События связаны с историей Казанского ханства. В легенде часто упоминаются имена ногайских богатырей. Эпос «Нарик батыр» описывает военные походы Нарика Танаулы и его сына Шор батыра. Нарик представлен как правитель города Казани.

Третий цикл состоит из 12-ти отдельных сказаний (таблица №3):

Таблица 3

1. Кыдырбайулы Кобланды	2. Асан кайгы, Тоган, Абат	3. Каргабойлы Казтуган	4. Ер Кокше	5. Кокшеулы Ер Косай	6. Акжонасулы Ер Кенес
7. Манашыулы Туякбай	8. ЖанбыршыулыТелагыс батыр	9. Айсаулы Ахмет батыр	10. Алау батыр	11. Амет батыр» и «Шынтасулы Торехан батыр	-

Несмотря на широкое изучение образцов казахского героического эпоса, ногайлинский цикл остаётся малоизученным и менее знакомым широкой публике.

Генеалогический характер ногайлинского цикла изучался эпосоведами по-разному. Некоторые считали, что это явление художественное, поэтому оно является признаком циклизации. Другие подчеркивали этнический характер, обратив внимание на их генеалогическую природу.

В условиях казахского фольклора образцы ногайлинского эпоса начали публиковаться, начиная с 1990-х гг. На этой почве фольклорист С. Сакенов написал кандидатскую диссертацию на эту тему [13]. Поскольку автор разрабатывал в основном типологические проблемы, вопрос отражения отголосков этнической истории в эпосе периода ногайлы отошёл на второй план. По этой причине ряд когнитивных вопросов, способных внести существенные коррективы в познавательную природу сказаний, до сих пор не изучены.

В чем собственно познавательное значение цикла эпических сказаний ногайлинского периода? Какое отношение они имеют к этнической истории казахского народа? Каково отношение сохранившихся в казахском фольклоре образцов ногайлинского эпоса к эпической традиции ногайского народа? Есть ли в ногайском фольклоре примеры эпических сказаний, прошедших процесс циклизации, как, например, в казахском фольклоре?

К сожалению, мы не имеем полного представления о степени изученности ногайского героического эпоса. Судя по исследованиям А. М. Сикалиева, можно предположить, что ногайский фольклор не особенно изобилует элементами циклизации.

Некоторые исследователи эпоса в своё время писали, что сказания, записанные у Мурын-жырау, отличаются не историческим, а мифо-легендарным содержанием [5]. В этом легко убедиться, ознакомившись со сказанием «Аншыбай батыр и его потомки». Батыр ассоциирует себя с сорок-значным Крымским ханством. Но какая связь между Крымом и Казахским ханством? Это та самая информация, которая требует сравнительного изучения этнической истории казахов и ногайцев. Это та самая лазейка, которая ведет к освещению связи между Золотой Ордой и Крымским ханством. Но такие исследования еще не проводились ни историками, ни фольклористами.

В вышеуказанном цикле эпических сказаний этнонимы представлены очень слабо. Их всего три: ногай, калмык, индус. В одном цикле эпических сказаний отражены этнонимы, характерные для разных периодов истории. Это характерная черта эпической традиции, объединяющей различные исторические сведения в рамках одного или цикла сказаний. Интересно отметить, что в эпосе термины «ногай» и «калмык» представлены как автоэтнонимы.

Относительно этнонима «индус» можно сослаться на многовековую эпическую традицию. Среди главных героев эпоса выделяется Агирабад – правитель страны индусов. Шамахан и Сатемир – калмыки. Эти сведения позволяют понять, что ногайлинский эпос сформировался в несколько иной среде, чем образцы казахского героического эпоса.

«Парпария» – сказание, где преобладает легендарное начало. Довольно часто встречается этноним «калмык». В сказании часто упоминается, что Парпария находится в стране индусов. Он приходит для того, чтобы освободить ногайский ил, и вступает в бой с Шамакан-калмыком.

Такая разрозненная информация, отраженная в ногайлинском эпосе, еще не была объектом научного изучения. Происхождение антропонимов Парпария, Куттыкия и Акташ также не подвергались этимологическому и семантическому анализу. Героев с такими именами встретить в казахском героическом эпосе невозможно. Несмотря на то, что калмыки являются эпическим соперником ногайцев, сюжет сказания, на наш взгляд, охватывает события более раннего периода.

Конечно, исходя из типологической модели, происхождение эпонима Парпария и этнонима хиндус, как уже отмечали, можно отнести к творчеству эпических сказителей. Однако такое решение не снимает эту проблему с повестки дня современной фольклористики. Исторический облик Парпарии, её принадлежность к определённой этнической группе следует изучить более глубоко. Нет сомнений, что многие сказания из ногайлинского цикла имеют историческую подкладку. Об этом свидетельствуют имена таких исторических деятелей, как Едиге, Токтамыш, Орак, Мамай, Карасай, Кази и др. Эту галерею исторических персонажей нельзя сбрасывать со счетов. Сюда же примыкают имена Мусы, Мамай и Алау-хана. Все они отличаются генеалогическим родством: Куттыкия родом из Парпарии, Нураддин сын Едигея. Мамай представлен как племянник Аншыбай-батыра.

В эпическом сказании «Карасай-Кази» также наблюдается обилие ранее не исследованных познавательных сведений этнического порядка. Отдельные исследователи считали, что эти сказания отражают борьбу не между ногайцами и калмыками, а с правителем Крыма Бахадур-Гиреем. Но подобные гипотезы еще не нашли своего научного подтверждения. Иначе открылись бы новые страницы казахской истории, связанные с Крымским ханством.

Мурын-жырау излагает сказания в поэтической и прозаической форме. Во всех циклах доминирует генеалогический принцип, события передаются из поколения в поколение, от отца к сыну. Этническая информация весьма скудна. Калмыки, как и в казахском эпосе, выступают эпическими соперниками ногайского народа.

При изучении ногайлинского эпоса необходимо акцентировать внимание на том, как казахи и ногайцы оказались одновременно в одном этническом союзе. Какими ранее неизученными сведениями эпоса они подтверждаются. К сожалению, отдельные ногайские исследователи не в полной мере признают этот общий период истории, который характеризуется общностью языка, культуры и фольклора.

В фольклоре народов Центральной Азии, Кавказа и Алтая можно найти много общих сюжетов. «Алпамыс», «Короглы», «Кобланды» – героические сказания, присутствующие в фольклоре многих народов. Имеется и другой весьма популярный эпос об «Едиге», имя которого широко распространено в фольклоре многих тюркоязычных народов. В этом процессе значительная роль отводится эпической традиции, не знающей географической локализации.

В исторической науке имеется такое явление, когда каждый народ пытается увидеть в лице Едиге героя своего племени. В этом не последняя роль отводится эпической традиции. Не только Едиге, но и Асан Кайги происходят из ногайской среды. Однако его имя также хорошо известно казахскому народу. Отрицание общего периода в истории казахов и ногайцев противоречит не только этнической истории, но и исследованию В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды». По мнению автора, в Ногайскую орду входили мангиты, коньраты и башкиры, выходцы из этнической среды кипчаков. Ногайцы, как и казахи, оказались под натиском калмыков. Ногайская орда существовала до распада Золотой Орды и ушла из исторической арены в XVII веке.

Казахские ученые начали рассказывать об истории ак ногай, кара ногай, сари ногай еще в 40-е годы прошлого столетия. Несмотря на то, что эпоним связан с именем Ногай, создателем ногайского улуса был Едиге батыр. Именно поэтому его имя хорошо известно казахам, ногайцам, татарам, башкирам и многим другим тюркоязычным народам.

Исследователи ногайского фольклора до сих пор не ответили на вопрос кем был Едиге? По данным фольклора можно установить, что потомки Едиге были правителями кавказских ногайцев. Есть сведения, где Едиге представляется сыном Тайкожи из племени кипчаков.

Эпический сказитель Мурын Сенгирбекулы, основываясь на эпической традиции, представляет Едиге как сына Парпарии – Бабай Тукти Шашты Азиза. Эта гипотеза также является кипчакской версией происхождения Едиге. В. М. Жирмунский считал Едиге выходцем из племени мангытов. Согласно истории, они жили на побережье Амударьи. Эту версию поддерживает В. В. Бартольд, который считает, что Едиге умер не в Казани, а среди мангитов в старом Ургенче.

Некоторые выводы

Современные исследователи вопрос о происхождении Едиге обходят молчанием. В свое время А. Конратбаев считал его выходцем из племени мангыт. Учёный пытался определить этимологию слова «ногай» и выдвинул версию о том, что «нокай» – это монгольское слово.

Принимая во внимание вышесказанное, можно подытожить, что цикл «Сорок крымских богатырей» является не только уникальным примером генеалогической циклизации, воплощающим более тридцати эпических сюжетов историко-мифологического содержания, но и дополнительным историческим и этническим источником, с помощью которого может быть восстановлено прошлое ногайского народа. Разница в том, что в казахском фольклоре это цикл сказаний, а в ногайском – название одного эпоса.

Какие особенности можно выделить в эпических сказаниях ногайлинского периода? Во-первых, несмотря на обилие исторических сведений, в жанровом плане они далеки от подлинно исторического эпоса. Элементы мифологии доминируют на всем протяжении, в том числе в сказаниях об Аншибае и Карадон батыре.

Во-вторых, в ногайлинском эпосе имеются многочисленные ономастические названия – эпонимы, антропонимы, этнонимы, которые чужды казахской эпической традиции. Связать эту информацию с этнической историей казахского народа – непросто задача.

В-третьих, этническая номенклатура представлена очень слабо. Между тем существует масса антропонимов, придающих сказаниям исторический характер.

Всё это говорит о том, что образцы ногайлинского эпоса нуждаются в более глубоком изучении в связи с историей Золотой Орды. Они содержат много информации, связанной с прошлой историей казахов. Потомки Агыса и Когиса, например, можно встретить в составе младшего жуза казахов. И тем не менее эти образцы эпоса сложно назвать историческими.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что в ногайлинском эпосе наблюдается два слоя: первый – сказания о ногайских мурзах, второй – сюжеты об Едиге, Ораке, Карасае и Кази. Когда в эпоху Золотой Орды произошло отделение ногайцев, они оказались на стороне племени ногаев, поэтому стали именоваться ногайскими богатырями.

Несмотря на отдельные работы, излагающие сюжетную канву сказаний, сложно говорить, что ногайлинский эпос активно изучается. Чтобы достичь желаемых результатов необходимо освоить методологические принципы этнографии и этнической истории. Только тогда эпические сказания ногайлинского периода, как дополнительный источник, может служить истории казахского народа.

Литература

1. Валиханов Ч.Ч. *Избранные произведения*. Алматы: Наука; 1985:628.
2. Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. V. Москва: Наука; 1966:495.
3. Жирмунский В.М. *Тюркский героический эпос*. Ленинград: Наука; 1974:725.
4. Маргулан А.Х. Едиге, Орак-Мамай. *Литература и искусств Казахстана*. 1940;(2):92-97.
5. Конратбаев А.К. Распад Золотой Орды и ногайлинский эпос. В кн.: Многотомное собрание сочинений в 10-ти томах. Т.5. Алматы: МерСал; 2004:475-479.
6. Бердибаев Р. *Эпос – народное наследие*. Алматы: Рауан; 1995:350.
7. Сикалиев А.М. *Ногайский героический эпос*. Черкесск: Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований; 1994:326.
8. Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. Москва: Квадрига; 2020: 1040.
9. Гацак В.М. (ред.) *Фольклор. Проблемы историзма*. Ленинград: Наука; 1988:223.
10. Слова предков. Т. 50. Алматы: Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова; 2008:328.
11. Антология степного фольклора в 10-ти томах. Т. II. Героический эпос. Алматы: Бранк Бук; 2019:570.
12. Жубаназар Асан. *Общее для тюркских народов наследие – эпос «Едиге»*. Актобе: Облтипография; 2020:360.
13. Сакенов С. Сюжеты казахских исторических эпосов: историзм и типология. Дис. ... канд. филол. наук. Алматы: 1998:152.

References

1. Valikhanov ChCh. *Izbrannyye proizvedeniya*. Almaty: Nauka; 1985:628 (in Russian).
2. Bartold VV. *Sochineniya*. Vol. 5. Moskva: Nauka: 1966:495 (in Russian).
3. Zhirmunsky V.M. *Turkic heroic epic*. Leningrad: Science; 1974:725 (in Russian).
4. Margulan AKh. Edige, Orak-Mamai. *Literature and art of Kazakhstan*. 1940;(2):92-97 (in Russian).
5. Konratbaev A.K. The collapse of the Golden Horde and the Nogai epic. In: Multi-volume collected works in 10 volumes. Vol. 5. Almaty: MerSal; 2004:475–479.
6. Berdibaev R. *Epic – folk heritage*. Almaty: Rauan; 1995:350.
7. Sikaliyev AM. *Nogai heroic epic*. Cherkessk: Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies; 1994:326.
8. Trepavlov VV. *History of the Nogai horde*. Moscow: Quadriga; 2020:1040.
9. Gatsak VM. (ed.) *Folklore. Historicism problems*. Leningrad: Science; 1988:223 (in Russian).
10. Ancestral words. Vol. 50. Almaty: Institute of Literature and Art named after M. O. Auezova, 2008:328.
11. Anthology of steppe folklore in 10 volumes. Vol. 2. Heroic epic. Almaty: Brank Buk; 2019:570.
12. Zhubanazar Asan. *The common heritage for the Turkic peoples is the epic “Edige”*. Aktobe: Regional printing house; 2020:360.
13. Sakenov S. Plots of Kazakh historical epics: historicism and typology. Candidate’s Dissertation (Philological Sciences). Almaty: 1998:152.

Об авторе

Коныратбай Тынысбек Ауелбекулы, доктор филологических наук, профессор кафедры искусствоведения, Международный казахско-турецкий университет им. Х.А.Ясави, ORCID: 0000-0003-3012-5966, e-mail: tynysbek55@mail.ru.

About the author

Tynysbek A. Konyrathbay, Doctor Sci. (Philology), Professor of the Department of Art History, Yasavi International Kazakh-Turkish University, ORCID: 0000-0003-3012-5966, e-mail: tynysbek55@mail.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 23.04.2025 / Submitted 23.04.2025

Принята к публикации 19.05.2025 / Accepted 19.05.2025